

ЛЕГЕНДА О СЕВЕРНОМ ЦАРСТВЕ

Сергей Субботин

Легенда о северном царстве

<https://litres.ru/74312937>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Легенда о Северном Царстве» — история взросления, выбора и обретения самостоятельности. Трое друзей отправляются в Великий Путь, где каждому предстоит остаться без привычной поддержки, столкнуться с незнакомым миром и научиться принимать собственные решения. Это книга о субъектности, ответственности и способности видеть мир шире первого впечатления.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	16

Сергей Субботин

Легенда о северном царстве

Глава 1

Трое друзей

Утро выдалось ясным и прохладным, ночью над рекой прошёл короткий дождь, поэтому земля источала запах мокрой травы, молодой листвы и древесины, напитавшейся влагой. Солнце только начинало подниматься над дальними соснами, когда Яромир, перепрыгивая через оставшиеся на дороге лужи, торопился к школе. Он опаздывал всего на несколько минут, но Ратибор уже ждал его у дверей с таким видом, будто произошло нечто непоправимое.

— Мы решили, что ты опять дочитываешь что-нибудь до конца главы.

Яромир остановился, перевёл дыхание и поправил ремень сумки.

— Ну да, не без этого.

— Тогда причина уважительная, — рассмеялся Ратибор, хлопнул его по плечу и потянул внутрь.

В школе пахло деревом, мелом и немного дымом от пе-

чи, которую утром растопили скорее по привычке, чем от холода, окна уже распахнули настежь, и лёгкий ветер время от времени шевелил занавески. Добромир сидел у одного из окон и вертел в руках небольшой деревянный круг с тремя аккуратно просверленными отверстиями, а на коленях у него лежала свежая стружка.

— Что это? — спросил Яромир, садясь рядом.

Добромир посмотрел на круг, словно сам ещё не решил, чем тот должен стать.

— Вчера хотел сделать одно, утром понял, что можно лучше...

Для него это было вполне достаточным объяснением.

Учитель дождался, пока все усядутся, и повернулся к большой тёмной доске, на которой уже была нарисована река, огибавшая холм, разделявшаяся возле небольшого острова и снова сходявшаяся ниже по течению. У внешнего берега излучины были нарисованы несколько условных домов.

— Весной вода снова забрала здесь землю, — сказал учитель, проводя пальцем вдоль берега. — Пока немного, но каждый год всё больше. Что будем делать?

Ратибор поднял руку первым.

— Эти дома надо перенести выше.

— И все?

Ратибор встал, подошёл ближе и несколько мгновений рассматривал рисунок.

— Нет, вот эти два, они ближе остальных. Другим пока ничего не угрожает, но если вода пойдёт дальше, потом придётся переносить и их.

— Насколько дальше пойдёт вода?

Ратибор нахмурился, снова посмотрел на изгиб реки и наконец признался:

— Этого я не знаю, но наверное можно было бы укрепить берег камнем?

Учитель спокойно кивнул.

— Вот и я не знаю, давайте думать.

Яромир всё это время смотрел не на дома, а на саму реку.

— А раньше она тоже текла здесь?

Учитель повернулся к нему.

— Зачем тебе это знать?

— Если этот берег размывало всегда, тогда причина может быть в самой реке, а если только последние годы, значит, изменилось что-то ещё, может быть, выше по течению.

Добромир отложил деревянный круг и тоже подошёл к доске.

— А где вода идёт быстрее всего?

Учитель молча нарисовал на реке в русле реки крестик где было самое сильно течение и протянул ему мел.

Добромир провёл несколько линий вдоль излучины, отступил на шаг, посмотрел и одну сразу стёр.

— Если течение давит сюда, часть воды можно отвести раньше, вот здесь, а берег я бы не закрывал камнем.

— Почему? — спросил один из учеников.

— Потому что вода никуда не исчезнет, укрепим здесь — начнёт размывать ниже. Лучше изменить течение и посадить деревья, их корни будут удерживать землю.

Ратибор постучал пальцем по двум домам.

— А если деревья не успеют вырасти до следующей большой воды?

Добромир уже повернулся к нему с готовым ответом, но задержался, снова посмотрел на рисунок, потом на дома и несколько секунд молчал, покручивая мел между пальцами.

— Тогда ты прав, до следующей весны нужна временная защита, а деревья — на потом.

Учитель не стал говорить, кто из них был прав, вместо этого взял мел и рядом с рекой написал, что происходило с рекой и прилегающими территориями в более раннее время.

Постепенно рисунок на доске начал меняться. Оказалось, что когда-то выше по течению рос густой лес, несколько лет назад там прошёл сильный пожар, склон оголился, снег весной стал таять быстрее, вода перестала задерживаться между корнями и начала стремительнее уходить вниз. Изменилась не сама река, изменилось то, что происходило далеко от неё, а последствия проявились здесь, возле домов.

К концу занятия на доске уже не было одного решения, появились молодые посадки выше по течению, временное укрепление возле домов, небольшой отвод воды и несколько отметок, за которыми предстояло наблюдать каждую весну.

Яромир любил такие занятия, потому что вначале всё обычно казалось простым, потом становилось всё запутаннее, а под конец неожиданно выяснялось, что вопрос, с которого они начали, вообще был не тем вопросом, который следовало задавать.

После школы друзья разошлись по своим делам. Добромир направился к садам за рекой, где второй год высаживали молодые яблони на месте старой рощи, погибшей после необычно холодной зимы. Земля после ночного дождя была мягкой, между рядами пахло влажной корой и свежей травой, в дальнем конце сада несколько взрослых меняли опоры у молодых деревьев, а двое малышей старательно носили воду в небольших деревянных вёдрах, расплёскивая едва ли не половину по дороге.

Добромир уже несколько недель возился с устройством, которое должно было не избавить людей от самой работы как таковой, а сделать так, чтобы никто не стоял возле канавы весь день и не следил за уровнем воды.

Ратибор собирался на тренировку, за плечом у него висел деревянный меч, и площадка уже была видна впереди, когда со стороны реки донёсся испуганный крик. Трое младших ребят учились плавать, вернее, двое учили третьего, причём делали это с таким усердием, что мальчик уже вцепился обеими руками в прибрежный корень и решительно отказывался возвращаться в воду.

Ратибор остановился, посмотрел на солнце, прикинул,

сколько осталось до тренировки, затем положил меч на траву и спустился к ребятам.

Через несколько минут он уже стоял по пояс в прохладной воде.

— Не бей по ней руками, ты с водой дерёшься, а она тебя даже не замечает. Ляг спокойно, почувствуй, как она тебя держит.

Мальчик недоверчиво посмотрел на него.

— А я не утону?

— Я рядом и не дам тебе утонуть, но если всё время буду держать тебя сам, ты так и не узнаешь, что можешь плыть. Давай сначала просто попробуй лечь на воду, а дальше посмотрим.

Мальчик осторожно оторвал одну ногу от дна, потом вторую, Ратибор держал ладони совсем рядом, но не касался его, пока в этом не возникла необходимость.

Яромир тем временем задержался возле школы. Под старым навесом, где после дождя особенно сильно пахло сосновыми досками, сидел Станислав, на его коленях лежала толстая книга с потемневшей кожаной обложкой, и старик медленно протягивал вощёную нить через отверстия в переплёте.

Яромир давно заметил, что если сесть рядом со Станиславом и не мешать, возле него рано или поздно обязательно начинался интересный разговор. Сегодня двое взрослых сначала обсуждали реку, потом заговорили о лесах выше по те-

чению, от них незаметно перешли к старым дорогам на юге, а от дорог — к землям, где прежде росли огромные леса, которых теперь не было.

Яромир слушал довольно долго, но наконец вопрос, крутившийся у него в голове, стал сильнее желания молчать.

— Станислав, а если вы знаете, как вернуть лес, почему просто не высадить его заново?

Старик перестал говорить, не ответил сразу, а его пальцы привычным движением легли на небольшой амулет, скрытый до этого под рубахой.

Яромир видел этот жест сотни раз, так иногда делал отец, так делала мать, учителя тоже касались своих золотых амулетов, когда им задавали сложный вопрос. Когда Яромир был маленьким, ему казалось, что взрослые просто не знают ответа и таким способом выигрывают время, теперь он уже не был в этом уверен.

Станислав посмотрел туда, где за крышами домов виднелись верхушки деревьев.

— Вернуть лес действительно нетрудно, труднее понять, какой лес должен вернуться. Допустим, мы посадим тот, что рос здесь двести лет назад, но будет ли ему хорошо здесь ещё через двести? Изменилась вода, изменилась почва, появились другие растения, даже ветры теперь дуют немного иначе. Когда хочешь исправить что-то большое, недостаточно помнить, каким оно было, нужно ещё понять, каким оно должно стать и что действительно приведёт его туда.

Яромир немного подумал.

— Значит, старый лес возвращать не надо?

Станислав улыбнулся и снова взял иглу.

— Я этого не говорил, я сказал, что прежде нужно понять, что именно мы называем возвращением.

На этом разговор естественно закончился, Станислав продолжил чинить книгу, а Яромир ещё некоторое время сидел рядом и слушал, как вощёная нить тихо поскрипывает в отверстиях переплёта. Ответ не раскрыл вопрос, наоборот, он породил еще больше вопросов, и Яромиру это почему-то нравилось.

К вечеру все трое снова встретились в саду, Добромир был мокрым почти до пояса и очень довольным, рядом с ним журчала вода, от небольшой протоки отходил деревянный желоб, а вода медленно наполняла круглый сосуд, который, становясь достаточно тяжёлым, опрокидывался, выпускал отмеренную порцию в следующую канавку и снова возвращался на место.

— Смотрите, теперь не нужно стоять здесь весь день, он наполняется, переворачивается и снова встаёт.

Ратибор присел рядом и несколько раз нажал на край сосуда.

— А если сюда попадёт ветка?

— Не попадёт, перед протокой решётка.

Ратибор посмотрел туда.

— А листья?

— Что листья?

— Забьют её.

Добромир уже хотел возразить, но вместо этого подошёл к протоке и присел, между прутьями уже застряли несколько мокрых листьев.

Он вытащил решётку и некоторое время рассматривал её.

— Забьют, значит, надо поставить её наклонно, тогда вода сама будет сносить листья в сторону.

Ратибор довольно усмехнулся.

— Значит, плохо придумал?

— Нет, значит, ещё не закончил!

— А если большой сук?

Добромир поднял на него глаза.

— Тогда я этим суком тебя ударю.

Ратибор расхохотался, Яромир тоже не удержался, а через несколько минут они уже работали вместе: Ратибор держал тяжёлую часть желоба, Добромир переставлял крепления, Яромир ходил вдоль канавок и смотрел, одинаково ли вода доходит до дальних деревьев. Когда они закончили, солнце уже опустилось к верхушкам сосен, тени вытянулись через весь сад, воздух стал прохладнее, а над влажной землёй начал подниматься едва заметный туман.

К реке они побежали наперегонки, рубахи бросили на берегу рядом с деревянным мечом Ратибора и с разбега ушли в воду. Ратибор первым добрался до большого серого камня посреди реки, Добромир приплыл следом и немедленно за-

заявил, что тот стартовал раньше, а Яромир выбрался последним, лёг животом на тёплый камень и некоторое время просто восстанавливал дыхание.

— Вы оба неправильно плыли, — сказал он наконец. — Там течение сильнее, если взять левее, расстояние получится больше, зато сил потратите меньше.

Ратибор посмотрел на него с усмешкой.

— Особенно я неправильно плыл, раз приплыл первым.

Добромир уже рассматривал поверхность воды.

— Проверим.

Пришлось плыть ещё раз, потом ещё один, потому что во второй раз Ратибор заявил, что Добромир оттолкнулся ногой от камня, а тот потребовал честного заплыва.

Когда спорить и плавать уже не осталось сил, они легли на нагретом за день берегу и принялись за яблоки. Кожица у них была ещё кислая, Добромир морщился после каждого укуса, но продолжал есть, от реки тянуло прохладой, над водой появились первые лёгкие полосы тумана, а в камышах время от времени плескалась рыба.

На противоположном берегу проходила старая дорога, и Ратибор первым заметил движение.

— Смотрите.

По дороге шли четверо, две девушки и двое юношей, немного старше их самих, на плечах у каждого висел дорожный мешок, у одного в руках был посох. Они шли спокойно, не торопились и уже не оглядывались на оставшиеся позади

дома.

Добромир перестал жевать яблоко, Яромир тоже сразу понял, куда они направляются.

О Великом Пути им рассказывали с самого детства, они видели тех, кто уходил по этой дороге, и тех, кто спустя месяцы, а иногда гораздо позже возвращался обратно. Взрослые никогда не говорили о Пути как о чём-то страшном, но лёгким его тоже никто не называл.

Четыре фигуры постепенно уменьшались, пока дорога не начала уводить их к лесу.

— Скоро и мы, — тихо сказал Добромир.

Ратибор долго смотрел им вслед.

— Хорошо бы вместе.

Никто не ответил, потому что все трое знали, что вместе не получится.

Яромир лёг на спину и посмотрел в небо, которое постепенно темнело, ещё недавно оно было голубым, а теперь в нём одна за другой проступали первые звёзды. Раньше, глядя на старую дорогу, он всегда думал о том, куда она ведёт, какие там города, горы, реки и люди, что находится за дальними лесами и что можно увидеть там, где никто из них ещё никогда не бывал.

Теперь он почему-то вспоминал не уходивших, а тех, кто возвращался.

Внешне они почти не менялись, у них оставались те же лица и голоса, они обнимали родных, смеялись, помогали по

дому и снова занимались привычными делами, но что-то в них всё же становилось другим.

Яромир пока не мог понять, что именно, он только помнил их взгляд, потому что люди возвращались с Великого Пути домой и смотрели на тот же самый мир так, словно впервые видели его целиком.

Глава 2

Глава 2. Великий Путь

На следующее утро Яромир пришёл к школе раньше обычного и увидел Добромира на ступенях. Тот сидел, упершись локтями в колени, и смотрел на дорогу, по которой вчера ушли четверо путников. Ночь была сухой, оставшиеся после дождя лужи почти исчезли, над крышами поднимался тонкий дым, а от реки тянуло прохладой.

Яромир сел рядом и некоторое время тоже молчал.

— Я всё думаю, куда они пошли.

— А я думаю, что они взяли с собой и что оставили дома, — ответил Добромир. — В дороге ведь быстро выясняется, какая вещь действительно нужна, а какую бы ты зря тащил на себе всю дорогу.

В этот момент со стороны реки появился Ратибор, услышал последние слова и сразу сказал, что человеку достаточно ножа, огнива, тёплой одежды и хорошей верёвки, а всё остальное можно найти или сделать по дороге.

— Вот поэтому, если бы мы шли вместе, вещи собирал бы не ты, — заметил Добромир. — Через неделю мы бы обнаружили, что у нас три меча, две верёвки и ни одной иглы.

Ратибор рассмеялся и уселся рядом.

Вчерашние путники не выходили у них из головы, хотя сам Великий Путь не был для них чем-то неизвестным. Каж-

дый ребёнок Северного царства с детства знал, что однажды наступит день, когда взрослые скажут ему: пора. Они видели людей, вернувшихся из дальних земель, слушали рассказы о горах, морях, разрушенных городах и чужих народах, знали тех, кто находился в дороге сейчас, но при всём множестве рассказов правила самого Пути оставались удивительно простыми. Уходили примерно в их возрасте, каждый получал своё направление, а возвращался тогда, когда понимал, что его дорога завершена.

Больше всего Ратибора занимало одно.

— Я всё равно не понимаю, почему нельзя идти вместе. Втроём безопаснее, пройти можно дальше, а если случится что-нибудь серьёзное, один человек может просто не справиться.

Яромир немного подумал.

— Может быть, именно потому, что втроём нам слишком легко.

Ратибор посмотрел на него с сомнением, но спорить не стал, а Добромир тем временем подобрал ветку и начал чертить ею что-то в пыли.

— Я бы хотел попасть туда, где есть хорошие мастерские, не наши, а совсем другие, чтобы посмотреть, как люди строят дома, откуда берут воду, чем лечат, какие делают инструменты. Особенно интересно увидеть морские корабли.

Ратибор сразу сказал, что предпочёл бы горы, причём настоящие, где снег не тает даже летом, а когда оба посмотрели

на Яромира, тот признался, что хотел бы увидеть всё.

— Тогда вернёшься стариком, — заметил Добромир.

— Зато мне будет что рассказать.

Они ещё спорили, что лучше увидеть первым, море или горы, когда из школы вышла учительница и позвала их по именам.

— После вечернего колокола вас ждут у волхвов.

Она сказала это совершенно буднично и вернулась внутрь, а друзья ещё несколько мгновений сидели молча.

Ратибор первым улыбнулся.

— Кажется, теперь понятно, о чём будет разговор.

До вечернего колокола оставалось несколько часов, но день неожиданно стал коротким. После занятий Ратибор отправился на тренировку и вернулся раньше обычного, Добромир поспешил в сад проверить переделанную решётку и долго объяснял одному из младших мальчиков, как следить за желобом без него. Яромир собирался зайти к Станиславу, чтобы заранее расспросить о Великом Пути, но остановился уже возле навеса и передумал. Вопросов было много, однако впервые ему показалось интереснее не искать ответы раньше времени.

Когда солнце опустилось к соснам, друзья встретились возле небольшого дома на краю поселения. Яромир бывал здесь много раз, дом волхвов почти ничем не отличался от соседних, только был заметно старше, возле стены рос огромный дуб, а под длинным навесом стояли потемневшие

от времени лавки.

Станислав ждал их за большим столом, перед ним стоял глиняный кувшин с водой, лежали хлеб, несколько яблок и три небольших предмета, накрытых светлым полотном.

— Проходите, — сказал он, заметив, как трое остановились у входа. — По вашим лицам можно подумать, что вы пришли выслушивать приговор.

Ратибор усмехнулся.

— Мы думаем, что знаем, зачем нас позвали, это же про Великий Путь?

Станислав налил себе воды, сделал глоток и кивнул.

— Значит, всё-таки догадались.

Он не спешил переходить к главному, сначала расспросил Добромира о желобе в саду, поинтересовался у Ратибора, научился ли вчерашний мальчик держаться на воде, потом спросил Яромира, стоила ли книга утреннего опоздания. Только когда разговор окончательно стал обычным, он отодвинул кувшин и посмотрел на ребят внимательнее.

— Вы правы, время пришло. Через несколько дней вы отправитесь в Великий Путь, сначала пройдёте часть дороги вместе, а потом ваши пути разойдутся. До этого закончите начатые дела, соберите всё необходимое и проститесь с теми, с кем хотите проститься. Только не пытайтесь взять с собой половину дома, дорога довольно быстро объясняет человеку разницу между нужным и привычным.

Ратибор ждал именно этого момента.

— Станислав, объясни тогда, почему нам обязательно расходиться. Я понимаю, что так принято, но не понимаю зачем. Мы всю жизнь учились действовать вместе, а теперь, когда это действительно может пригодиться, должны идти поодиночке.

Станислав не ответил сразу, пальцы его легли на золотой амулет, лежавший поверх рубахи, и Яромир, вспомнив вчерашний разговор, особенно внимательно следил за этим движением.

— Ты правильно сказал, вы действительно хорошо умеете действовать вместе, и именно поэтому вам нужно на некоторое время расстаться. Вы знаете друг друга почти всю жизнь и давно перестали замечать, насколько часто опираетесь друг на друга. Если появляется опасность, ты видишь её раньше остальных, и Яромиру с Добромиром уже не обязательно замечать всё самим. Если что-нибудь сломано или устроено плохо, Добромир почти сразу начинает искать, как это исправить, и вы оба охотно отдаёте это ему. А когда возникает вопрос, который требует долгих размышлений, вы нередко ждёте, пока Яромир докопается до причины. В этом нет ничего плохого, так и должно быть между людьми, каждый усиливает общее тем, что умеет лучше других. Но прежде чем по собственной воле стать частью целого, полезно понять, что ты представляешь собой без привычной помощи друзей, какие решения принимаешь сам и что замечаешь в мире, когда рядом нет человека, который обычно замечает

это раньше тебя.

Ратибор несколько мгновений обдумывал услышанное.

— Значит, нас разделяют не ради трудностей?

— Нет. Если бы мы хотели просто сделать вам труднее, отобрали бы еду и отправили зимой через горы, это было бы гораздо проще. Великий Путь не соревнование в страданиях. Вам предстоит некоторое время жить среди людей, которые думают иначе, самим выбирать, кому доверять, когда помогать, когда уходить, за что отвечать, а во что не вмешиваться. И главное — самим нести последствия этих решений. Когда вы снова встретитесь, возможно, каждый увидит в остальных то, чего сейчас просто не замечает.

Яромир перевёл взгляд на карту, висевшую на дальней стене.

— А как понять, куда идти, если каждый получает свою дорогу?

— Вам дадут первое направление и несколько вещей, которые действительно необходимо знать, всё остальное придётся решать самим.

— Но тогда можно пойти неправильно.

Станислав улыбнулся.

— Конечно. И тогда сначала придётся понять, что ты идёшь не туда, потом разобраться почему, а уже после решить, возвращаться, искать другую дорогу или продолжать. Если же я дам тебе карту, отмечу все остановки, перечислю людей, которых нужно встретить, заранее скажу, где повер-

нужно и чего опасаться, дорога будет твоей, а решения останутся моими. Ты вернёшься человеком, который научился очень хорошо выполнять чужие указания, а Великий Путь нужен не для этого.

Этот ответ оставлял слишком много неопределённости, и Яромиру он нравился именно поэтому не до конца.

Станислав наконец потянул к себе полотняную салфетку и снял её.

Под ней лежали три амулета из тёмной обожжённой глины, немного неровные по краям, каждый размером примерно с треть мизинца. Через отверстия были продеты крепкие плетёные нити, а на поверхности виднелись какие то знаки.

Добромир первым взял один из них и провёл пальцем по краю.

— Их делали руками.

— Люди, которые когда-то тоже собирались в свой Великий Путь, — ответил Станислав. — Теперь они делают амулеты для тех, кому пришло время идти следом.

На амулете Добромира был выдавлен знак, похожий на молодой побег, Ратибору достались две пересекающиеся линии, а от центра амулета Яромира расходились несколько неровных кругов.

— Носите их до возвращения — продолжил Станислав. — Если появится царапина, оставьте её, если отколется край, не страшно, если поверхность потемнеет или рисунок сотрётся, пусть так и будет. Вернуть нужно тот же амулет, который вы

сегодня получили, но каким он станет к концу дороги, заранее не знает никто.

Ратибор сразу повесил свой на шею.

— Постараюсь вернуть целым.

— Лучше постарайся сам вернуться целым, амулет как-нибудь переживёт.

Добромир всё ещё рассматривал следы пальцев на обожжённой глине, а Яромир смотрел на золотой амулет Станислава. Он видел такие у родителей, учителей и других взрослых, прошедших Великий Путь, но только сейчас различие между золотом и глиной показалось ему слишком очевидным, чтобы быть случайностью.

— Почему у вас золотой, а у нас...

Яромир замолчал, посмотрел на собственный амулет и неожиданно вспомнил вчерашнюю паузу Станислава.

Старик терпеливо ждал.

— Я хотел спросить, почему наши глиняные, а ваши золотые, но, кажется, ты всё равно сейчас не ответишь.

Станислав рассмеялся.

— На этот вопрос не отвечу, зато сейчас ты сделал кое-что полезнее, чем если бы просто получил от меня ответ.

Ратибор посмотрел на его руку, лежавшую рядом с золотым амулетом.

— Тогда скажи другое. Почему вы все касаетесь их перед сложным ответом? Я видел это у отца, у учителей, теперь заметил у тебя.

Станислав снял амулет с груди и положил его на ладонь. Золото было не ярким, как обычные украшения, а тёплым и потёртым, по краю шли мелкие неровности, на поверхности виднелись царапины.

— Он напоминает о простой вещи, которую человек удивительно легко забывает: между тем, что ты услышал, и тем, что ответил, хорошо оставить место хотя бы для одной новой мысли. Мы часто слышим первые слова и уже уверены, что знаем всё остальное, особенно если речь идёт о чём-то знакомом или неприятном. В этот момент мы перестаём слушать человека и начинаем отвечать уже не ему, а собственному представлению о том, что он будто бы сказал. Амулет ничего за меня не решает, он только напоминает не торопиться считать своё первое понимание окончательным.

Ратибор задумался.

— Но, если человек тонет или на кого-нибудь падает дерево, размышлять поздно.

— Конечно. Пауза измеряется не временем, иногда она длится минуту, иногда один вдох, а иногда решение приходится принимать мгновенно. Важно не то, сколько ты думал, а остался ли способен увидеть новую информацию после того, как уже начал действовать. Если через мгновение выяснилось, что ситуация иная, нужно изменить решение, а не защищать первое только потому, что оно твоё.

Ратибор медленно кивнул, а Яромир подумал, что, возможно, именно поэтому взрослые касались амулетов не все-

гда, а только тогда, когда чувствовали необходимость напомнить себе о чём-то, что дети пока делали скорее по привычке.

Станислав поднялся и подошёл к старой карте, висевшей на стене. На ней были обозначены реки, леса, горные цепи и дороги, уходившие далеко за знакомые им земли, некоторые линии становились тоньше и постепенно исчезали, словно составитель сам не был уверен, что находится дальше.

Ратибору досталась дорога на юго-запад, туда, где за несколькими реками начиналась горная страна. Он попытался сохранить серьёзный вид, но улыбка всё равно появилась.

— Я хотел увидеть настоящие горы.

— Хотеть и знать — разные вещи, — заметил Станислав.
— Постарайся не перепутать их в дороге.

Путь Добромира шёл почти прямо на юг, к землям, испещрённым реками и знаками старых поселений, затем разветвлялся так сильно, что невозможно было понять, какая из дорог главная.

— Здесь выбирать будешь сам, и не удивляйся, если выбор окажется совсем не тем, который сейчас кажется тебе очевидным.

Последним к карте подошёл Яромир. Палец Станислава лёг на старую дорогу, уходившую далеко на юг, она пересекала несколько рек, проходила мимо неизвестных городов и наконец исчезала у нижнего края карты.

— Тебе по ней, пока дорога ведёт на юг.

Яромир долго прослеживал линию глазами.

— Но она заканчивается.

— На этой карте.

— А где заканчивается на самом деле?

Станислав посмотрел на него и слегка улыбнулся.

— Вот вернёшься и расскажешь.

Когда друзья вышли из дома, уже стемнело, между крышами поднялась большая луна, воздух пах дымом, сырой землёй и остывающей после дня травой, со стороны реки доносился ровный шум воды. Всё вокруг осталось прежним, знакомая улица, дома, тёмные сосны за оградами, дорожка к реке, по которой они ходили сотни раз, но теперь у каждого на груди лежал прохладный глиняный амулет, а где-то за пределами этих домов уже начиналась его собственная дорога.

Ратибор не удержался и снова заговорил о горах, Добромир напомнил ему, что сначала они всё-таки некоторое время идут вместе, а потом принялся рассуждать, сколько инструментов действительно имеет смысл брать, если большую часть можно сделать самому. Они спорили уже привычно, перебивая друг друга и смеясь, пока Яромир шёл рядом и машинально проводил пальцем по своему амулету.

Глина была шероховатой, один край чуть выступал, а расходившиеся от центра круги хорошо ощущались под пальцами.

Ему снова захотелось спросить, почему взрослые носили золотые амулеты, а им дали глиняные. Вопрос никуда не ис-

чез, любопытство не стало меньше, но впервые Яромир подумал, что не всякий вопрос нужно немедленно превращать в ответ, иногда полезнее некоторое время носить его с собой и смотреть, что ещё встретится по дороге.

Они ещё не простились с родными, не покинули поселение и не сделали ни одного шага по Великому Пути, однако в тот вечер каждый впервые почувствовал, что Путь начинается не там, где заканчивается знакомая дорога, а в тот момент, когда решение о следующем шаге становится твоим.